

Право на своё:

Как частная собственность
меняет жизнь и общество

и

Наталья Стоун

Наталья Стоун

Право на своё: Как

частная собственность

меняет жизнь и общество

<https://litres.ru/74603164>

SelfPub; 2026

Аннотация

Квартира ваша — значит ли это, что можно делать в ней всё? Где заканчивается право владельца и начинаются интересы соседей, семьи и общества? Собственность кажется простой, пока не приходится делить расходы, оформлять наследство или спорить о цифровом контенте.

«Право на своё» показывает: собственность — не безграничная власть над вещью, а система прав, обязанностей и правил. Вы разберётесь, чем владение отличается от пользования и распоряжения, почему доступ к собственности неравен, как наследство и общее имущество становятся источниками возможностей и споров. Книга объясняет роль собственности в экономике, пределы частных прав, особенности интеллектуальной собственности и отношения с государством. Живые примеры помогут учитывать последствия решений и интересы других людей.

Книга адресована владельцам жилья, будущим покупателям, предпринимателям и всем, кто хочет лучше понимать устройство общества.

Содержание

«Моё» и «чужое»: из чего складывается право собственности	6
От владения к закону: как возникали и менялись режимы собственности	17
Владеть, пользоваться, распоряжаться: как устроено право собственности	30
Почему собственность меняет поведение: стимулы, ответственность и свобода	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Наталья Стоун
Право на своё: Как
частная собственность
меняет жизнь и общество

**Право на своё: Как частная собственность меняет
жизнь и общество**

Наталья Стоун

«Моё» и «чужое»: из чего складывается право собственности

В субботу утром Марина наконец решила, что квартира стала по-настоящему её. Она распахнула окна, включила музыку погромче и принялась сверлить стену — хотела повесить полку. Через двадцать минут в дверь позвонил сосед снизу.

— У нас потолок дрожит. Вы можете потише?

Марина посмотрела на дрель, потом на ключи, лежавшие на тумбочке. Она недавно купила квартиру. Заплатила первый взнос, оформила ипотеку, получила документы. Какие ещё вопросы? Раз квартира её, то и музыка её, и ремонт её, и стена — тоже её.

Через два дня позвонили из управляющей организации: специалисту нужно попасть в квартиру и проверить общий стояк. Ещё через неделю банк прислал напоминание об очередном платеже и уведомил, что некоторые действия с заложенной квартирой ограничены условиями договора.

Марина достала ключи. Они открывали входную дверь. Но, как выяснилось, не открывали всё.

В бытовом языке «моё» звучит коротко и уверенно. В жизни за этим словом скрывается целая конструкция: что именно принадлежит человеку, на каком основании, какие

возможности даёт ему право и где начинаются права других. Собственность — не волшебная кнопка «делаю что хочу». Это признанная законом связь между человеком и определённым объектом — связь, которая защищает его власть над вещью, но одновременно очерчивает её границы.

Что именно Марина купила?

Первый вопрос кажется простым: квартира принадлежит Марине. Но попробуем очертить её контур. Внутри — комнаты, пол, окна, сантехника, отделка. А как быть со стеной, которую она собралась сверлить? С трубой, проходящей за ней? С перекрытием между этажами? С участком земли под домом, подъездом и лестницей?

Квартира — не изолированный ящик, аккуратно вырезанный из здания. В многоквартирном доме некоторые части обслуживают сразу многих: несущие конструкции, крыша, лестницы, инженерные системы. Во многих правовых порядках собственник квартиры имеет права не только на своё помещение, но и долю в общем имуществе дома. Точный состав этого имущества и порядок доступа к нему зависят от страны, документов и устройства здания.

Иными словами, граница собственности не всегда совпадает с тем, что видно глазу. Труба может проходить внутри квартиры, но обслуживать весь дом. Стена может быть частью вашего интерьера и одновременно — частью общей конструкции. Поэтому вопрос «чья это вещь?» иногда означает не «кто может её потрогать?», а «кто вправе решать, что

с ней делать, и чьи интересы затрагивает это решение?».

Чтобы разобраться, полезно различать три вещи.

Объект собственности — то, к чему относятся права. Это может быть квартира, автомобиль, земельный участок, телефон, доля в бизнесе или деньги. Объект важно определить точно: не просто «квартира», а конкретное помещение, с границами и характеристиками, установленными документами и законом.

Собственник — человек или организация, которым принадлежат права на этот объект. Но тот, кто фактически держит вещь в руках или пользуется ею, не всегда собственник. Арендатор живёт в квартире и может иметь право пользоваться ею, но обычно не вправе продать её. Человек, который ведёт арендованную машину, держит руль и ключи, но автомобиль от этого не становится его собственностью.

Титул — юридическое основание, по которому человек считается обладателем права. Это может быть покупка, наследование, дарение или иное предусмотренное законом основание. В одних случаях право подтверждается регистрацией, в других важны также договоры, решения суда и дополнительные обстоятельства. Документы помогают установить титул, но их наличие не всегда автоматически снимает все вопросы: могут иметь значение права совладельцев, условия сделки или нарушения при её оформлении.

Фактический контроль и признанное законом право — не одно и то же. Можно держать найденный телефон в карма-

не, но это не означает, что он стал вашим. Можно пользоваться семейной дачей каждое лето, но не быть её единственным собственником. И, наоборот, собственник может не находиться рядом с вещью: например, сдавать квартиру жильцам.

Фактическое владение отвечает на вопрос: «У кого вещь сейчас?» Право собственности — на другой: «Кто и в каких пределах вправе решать её судьбу?» Иногда ответы совпадают. Иногда между ними расстояние в несколько этажей, договоров и судебных решений.

Собственность — это возможности, а не безграничная власть

В классическом описании собственность включает три основные возможности: владеть вещью, пользоваться ею и распоряжаться ею. Можно вселиться в квартиру, жить в ней, ремонтировать, сдавать или продать. Но каждое из этих действий существует не в пустоте, а рядом с другими правилами.

Владеть — значит иметь фактическую власть над объектом. Однако даже хозяин квартиры не вправе превращать общий коридор в личный склад, если этим нарушаются правила дома и интересы соседей.

Пользоваться — значит извлекать из объекта его полезные свойства. Жить, готовить, слушать музыку, принимать гостей. Но пользование заканчивается там, где оно неправомерно мешает другим людям или создаёт опасность.

Распоряжаться — значит решать юридическую судьбу вещи: продать, подарить, завещать, передать в аренду. Но и здесь могут действовать ограничения. Например, при ипотеке собственник обычно продолжает оставаться собственником, однако объект находится в залоге, а договор или закон могут ограничивать отдельные действия. Точные последствия зависят от юрисдикции и условий ипотеки.

Это можно сравнить с дорогой. Собственность даёт человеку право ехать по своей полосе, выбирать маршрут и пользоваться автомобилем. Но она не отменяет светофоров и не даёт права вытеснить с дороги остальных. Ограничения не обязательно уничтожают право. Часто они и делают его возможным: если бы каждый мог шуметь, перекрывать трубы и занимать чужие места без последствий, защищённой собственностью не мог бы спокойно пользоваться никто.

Экономисты называют **внешним эффектом** ситуацию, когда действие одного человека создаёт издержки или выгоды для другого, не учтённые самим действующим человеком. Громкая музыка для Марины — удовольствие, для соседа — бессонная ночь. В многоквартирном доме внешний эффект возникает постоянно: вода, шум, ремонт, работа лифта и состояние общих коммуникаций связаны между собой. Правила здесь не просто «мешают собственнику» — они помогают людям уживаться в пространстве, которое делят.

Карта прав на одну квартиру

Представим квартиру в центре листа. Вокруг неё — люди и организации, чьи интересы с ней связаны. Это и есть карта прав: не список тех, кто может запретить Марине жить дома, а способ увидеть, какие именно права пересекаются и где могут возникнуть споры.

Марина, собственник. Она вправе пользоваться квартирой, защищать своё владение, принимать решения о многих видах ремонта и, с учётом правил, сдавать или продавать жильё. В то же время она должна соблюдать применимые требования безопасности и порядка, выполнять обязательства по ипотеке и не нарушать права других людей.

Жильцы и члены семьи. У них могут быть права проживания или пользования, основанные на законе, соглашении с собственником или других обстоятельствах. Эти права не обязательно равны правам владельца, но их нельзя всегда свести к простому «ключи мои — значит, решаю только я». Конкретный статус жильцов нужно выяснять отдельно.

Соседи. Они не приобретают право распоряжаться квартирой Марины. Но у них есть собственные интересы и предусмотренные законом способы защищать свои права, если шум, затопление, опасный ремонт или иное воздействие выходит за допустимые рамки. Тишина не означает, что сосед может запретить любой ремонт. Но и право ремонтировать не означает право делать это когда угодно и как угодно.

Банк. Если квартира заложена, банк не становится её владельцем лишь потому, что выдал кредит. Марина может

жить в квартире, но обязана соблюдать условия договора и погашать долг. При серьёзном нарушении обязательств у кредитора могут возникнуть предусмотренные договором и законом средства защиты — вплоть до обращения взыскания на залог. Подробности зависят от конкретной правовой системы и договора.

Управляющая организация. Она отвечает за определённые работы и обслуживание общего имущества, но это не означает неограниченного права входить в любое жильё. Доступ может понадобиться для осмотра или ремонта общих систем, особенно при аварии; порядок и основания доступа устанавливаются применимыми правилами и обстоятельствами. Задача собственника — не автоматически говорить «нет», а выяснять, что именно будут делать, на каком основании и как это будет организовано.

Государство. Оно признаёт и защищает права собственности, устанавливает правила их оформления и передачи, а также требования, связанные, например, с безопасностью, строительством, налогами и охраной прав других людей. Государственное участие может казаться вмешательством извне, но без общего порядка было бы трудно доказать, кому принадлежит квартира и как разрешать споры между претендентами на неё.

На такой карте важно не перепутать наличие связи с объектом и объём права. Сосед заинтересован в тишине, но не владеет Марининой гостиной. Управляющая организа-

ция обслуживает стояк, но не получает права распоряжаться квартирой. Банк имеет обеспеченный договором интерес, но это не то же самое, что право ежедневно решать, какую мебель покупать. Каждому участнику принадлежит не вся квартира, а определённое право или требование — иногда узкое, иногда сильное, иногда возникающее лишь при конкретных обстоятельствах.

Мысленный эксперимент: если бы прав вокруг не было

Представим, что завтра из дома исчезли все общие правила. Каждый собственник волен делать всё, что физически может: закладывать вентиляцию, перекрывать трубы, шуметь ночью, разбирать стены и занимать лестничную площадку. Кто окажется свободнее всех? Ненадолго — самый решительный. Но вскоре он будет зависеть от соседа, который перекрыл стояк, и от жильцов сверху, которые превратили его потолок в площадку для репетиций.

Без границ свобода одного становится непредсказуемостью для всех. С другой стороны, если любой сосед может запретить собственнику ремонт просто потому, что ему не нравится звук дрели, право собственности теряет смысл. Рабочая система ищет равновесие: защищает возможность человека распоряжаться своим и одновременно ограничивает вред, который его решения причиняют другим.

Это не означает, что любой конфликт легко разрешить. Важно отделять общий принцип от конкретного правила.

Общий принцип таков: собственность предоставляет защищённую сферу решений, но не отменяет чужих прав и обязательств владельца. А допустимый уровень шума, часы ремонта, порядок доступа к инженерным системам и последствия нарушения зависят от местного закона, договора, правил дома и конкретных фактов. Если спор серьёзный, одной житейской логики может быть недостаточно: нужны документы и консультация специалиста, знакомого с применимым правом.

Как проверить, что именно ваше

Марине не нужно отказываться от полки или передавать соседу ключи. Ей нужно заменить широкое «это моё» на несколько точных вопросов.

1. Что именно является объектом? Квартира целиком, доля, отдельное помещение, мебель, встроенное оборудование? Где проходят границы личного и общего?

2. На каком основании возникло право? Покупка, наследство, дарение, договор? Зарегистрировано ли право там, где этого требует закон? Есть ли совладельцы, залог или другие существенные условия?

3. Кто ещё имеет права, связанные с объектом? Жильцы, супруг или совладельцы, арендатор, кредитор? Каков объём их прав и чем он подтверждён?

4. Какие действуют ограничения и обязанности? Договор, правила дома, требования безопасности, обязательства перед банком, права соседей?

5. Что может измениться, если я совершу задуманное? Затронет ли ремонт общие конструкции или системы? Создаст ли шум, опасность или ущерб? Нужно ли уведомление, согласование или доступ специалиста?

Попробуйте проделать это не только с квартирой. Найденный телефон: у вас он в руках, но у другого человека может сохраняться право на него. Арендованная машина: вы ею пользуетесь, но не можете автоматически продать или переделать её. Семейная дача: многолетняя привычка считать её «нашей» не отвечает на вопросы о долях, документах и праве принимать решения. Чем точнее объект и основания, тем меньше шансов, что уверенность окажется просто привычкой.

Марина открывает дверь специалисту не потому, что её квартира перестала быть её, а после того, как выясняет, что именно проверят и как будет оформлен доступ. Соседу она отвечает не обещанием навсегда отказаться от музыки, а готовностью соблюдать разумные правила ремонта и разобратся, нарушает ли шум его права. Банку платит по графику, помня, что залог ограничивает некоторые решения, но не превращает кредитора в хозяина её повседневной жизни.

Вечером ключи снова лежат на тумбочке. Они по-прежнему открывают дверь. Только теперь Марина понимает: «моё» — это не право не замечать всех остальных. Это право знать свои границы, защищать их и принимать решения внутри них. Частная собственность сильна не тем, что устраняет лю-

бые ограничения, а тем, что делает право человека на конкретную вещь признанным, понятным и защищённым.

От владения к закону: как возникали и менялись режимы собственности

В папке у Анны лежит пожелтевшая схема, на которой её дедушка от руки отметил границы огорода. Рядом — фотографии, квитанции за воду, справка из сельсовета и несколько свидетельских писем. Семья обрабатывает этот участок десятилетиями: сажает картошку, чинит изгородь, чистит канаву. Но свежая выписка из официального реестра показывает, что земля принадлежит другому человеку.

— Как же так? — спрашивает Анна. — Мы ведь всегда считали её своей.

В этом «всегда» и скрыта целая история. Для семьи право подтверждено трудом и памятью соседей. Для учреждения — записью в реестре. Для нового владельца — документом о приобретении. Это не обязательно означает, что кто-то лжёт. Просто слово «своё» может опираться на разные основания — а основания эти не всегда совпадают.

Чтобы понять, почему так происходит, нужно отступить на несколько шагов. Не к одному-единственному истоку собственности: такого истока у всех обществ не было. А к разным способам, которыми люди договаривались о земле, воде, стаде, жилище и вещах. На каждом повороте будем зада-

вать четыре вопроса — подниматься по своеобразной лестнице признания права: **кто пользовался ресурсом, кто признавал право, как его передавали и как разрешали спор.**

У костра и на общем пастбище

Представим долину, где несколько семей пасут скот. Утром пастух замечает чужое стадо на участке, где трава уже должна отрасти после прошлой выпаски. Он может прогнать животных — но чьи это угодья? Ответ не обязательно звучит так: «Того, у кого есть документ на землю».

Пользуются пастбищем члены общины. Право признают другие участники — потому что знают, какие семьи здесь живут, где проходят сезонные маршруты и когда кому полагается доступ к воде. Передача права может быть связана не с продажей клочка земли, а с членством в группе, наследованием статуса или разрешением общины. Спор разбирают старейшины, собрание, совет семей; нарушителя могут обязать возместить ущерб, заплатить штраф или не допускать к ресурсу какое-то время.

Это не «ничья земля». И не обязательно беспорядок, в котором каждый берёт сколько успеет. Общая собственность и свободный доступ ко всему — разные вещи. Общий ресурс может иметь понятные границы, правила пользования, наблюдение за их соблюдением и порядок разрешения конфликтов.

Исследовательница Элинор Остром, изучая общие ресур-

сы в разных обществах, показала: местные сообщества способны долго и успешно управлять пастбищами, лесами и ирригационными системами, если правила подходят к конкретным условиям, а участники могут влиять на них и разбирать споры. Это важное уточнение к популярной картине, будто общая земля непременно обречена на истощение. Гораздо точнее спросить: кто именно пользуется ресурсом, какие правила действуют и кто следит за их исполнением?

Право здесь существует, хотя оно может быть не записано на бумаге. Его защищают память, взаимные обязательства, репутация и решения общины. Такая защита бывает действенной — пока участники признают правила. Но у неё есть уязвимость: если община расколота, пришёл новый правитель или изменилась граница владений, старый порядок может потерять силу. То, что годами было очевидным для соседей, не всегда понятно чиновнику или покупателю из другого города.

Когда землю стали делить и наследовать

С земледелием меняется не только пища. Меняется время. Нужно ждать урожая, хранить зерно, обслуживать каналы и возвращаться к одному и тому же участку. Земля становится не просто местом, где сегодня можно найти траву, а пространством вложенного труда и ожиданий.

Но переход к земледелию не означал, что повсюду внезапно появились отдельные поля с единственным хозяином. В разных обществах сочетались семейные наделы, общин-

ные уголья, владения правителей, храмовые земли и права на отдельные ресурсы. Одна семья могла выращивать зерно на одном участке, пользоваться общим лесом, иметь доступ к воде по очереди и платить часть урожая властителю. «Кому принадлежит земля?» — вопрос, на который иногда не было одного ответа: разные люди обладали разными правами на один и тот же участок.

Поставим на межу деревянный колышек. Кто его поставил? Земледелец, чья семья обрабатывает поле? Соседи, договорившиеся о границе? Представитель власти, распределявший наделы и сборы? Пользователями могли быть семьи или арендаторы. Право признавали местный обычай, правитель, суд или их сочетание. Участок могли передавать по наследству, сдавать в аренду, продавать или получать в обмен на службу. Спор решали по свидетельствам соседей, межевым знакам, старым соглашениям и распоряжению власти.

Письменные источники древних обществ показывают, как рано люди стали фиксировать сделки и обязательства. Например, в Месопотамии сохранились глиняные таблички, связанные с продажей, арендой и займами. Это не значит, что там возникла одна универсальная модель частной собственности, которую затем перенял весь мир. Скорее, письменность позволила некоторым обществам закреплять сведения о конкретных сделках и предъявлять их как доказательство.

Здесь появляется важное различие: **фактическое поль-**

зование не всегда равно праву на землю. Человек может обрабатывать поле, но быть арендатором. Может собирать плоды в силу обычая, не владея участком. Может иметь договор, который не признаёт третья сторона. И наоборот: документ может указывать на право того, кто сам никогда не видел земли.

Рынок: вещь становится предметом сделки

В городе ремесленник взвешивает кусок металла. Покупатель проверяет вес, предлагает плату, и оба зовут свидетелей. Пока предмет находится у мастера, он фактически владеет им. После сделки покупатель уносит его с собой. Но чтобы обмен был надёжным, одной передачи из рук в руки недостаточно: нужно, чтобы окружающие понимали, что именно произошло и какие обязательства возникли.

На рынке пользователем вещи становится покупатель; право признают стороны сделки, а иногда ещё свидетели, рыночный суд или городская власть. Передача происходит через вручение вещи, оплату, договор или запись — в зависимости от местных правил. Если сделка оспаривается, обращаются к свидетелям, посредникам, городским властям или суду.

Развитие торговли сделало особенно заметной ценность предсказуемых правил. Купец не всегда мог лично присутствовать при сделке. Товар пересекал границы, менял руки, перевозился на корабле или хранился на складе. Требовалось различать саму вещь и право на неё, долг и залог,

временное пользование и окончательную передачу. Печать, письменное соглашение, расписка или запись в книге были не просто удобством: они помогали сделать договор видимым для людей, которых не было рядом в момент его заключения.

При этом право собственности никогда не означало, что владелец может делать с вещью вообще всё что угодно. Нельзя, например, продать то, на что у тебя нет права; договор может не действовать, если нарушает обязательные правила; использование вещи способно задеть права соседей. Рынок нуждался не в абсолютной свободе каждого участника, а в достаточно ясных границах и способе разрешать споры.

От межи к карте, от карты к реестру

Теперь представим землемера. Он натягивает цепь, отмечает повороты границы и переносит измерения на карту. До него границу могли описывать так: «от старой ивы до камня у ручья». Для соседей этих ориентиров хватало. Для налоговой службы, банка или покупателя из другого района они могли оказаться слишком расплывчатыми.

Государственные учёты земли существовали в разных формах задолго до современных реестров: власти собирали сведения, чтобы облагать землю налогом, распределять повинности, управлять территориями и подтверждать пожалования. Со временем во многих странах развивались кадастры и системы регистрации. Земельному участку присваивали описание, границы отображали на карте, сведения о пра-

вах и переходах заносили в документы.

Пользоваться участком по-прежнему мог земледелец, арендатор или семья. Но право всё заметнее признавали не только соседи: его подтверждали государственные учреждения. Передача оформлялась по установленной процедуре, а спор могли рассматривать административный орган или суд. Это увеличивало надёжность сделок — но не превращало карту в безошибочную истину.

Реестр — не волшебное зеркало реальности. В разных правовых системах запись может иметь разное значение: где-то она сама создаёт или подтверждает право, где-то служит важным доказательством, но допускает оспаривание. Ошибка в измерении, старый документ, неоформленное наследование или перевод обычного права в официальные категории способны породить конфликт. Более того, государственный учёт не только защищал права: он помогал взимать налоги и контролировать землю. То, что становилось видимым для государства, становилось видимым и для его власти.

Так могли столкнуться два языка. Первый: «Эта семья здесь живёт и обрабатывает поле». Второй: «В реестре участок записан за другим лицом». Чтобы разобраться в конфликте, нужно выяснить не только, кто сейчас пользуется землёй, но и какие документы создавали право, как оно переходило от одного лица к другому и можно ли оспорить запись. Именно поэтому старая схема Анны важна как свидетельство, но сама по себе может не ответить на все юриди-

ческие вопросы.

Индустриальный век: собственность отделяется от хозяина

У железной дороги есть полоса земли, которую тысячи пассажиров никогда не назовут своей. У фабрики — станки, здания и запасы сырья. У компании — акции, патенты и долги. С развитием промышленности собственность всё чаще становится не только отношением человека с вещью, но и сложной системой прав, распределённых между множеством участников.

Пользоваться фабрикой могут рабочие и управляющие, а владельцем активов выступает компания. Её признают правовые институты; доли в ней могут переходить от одного акционера к другому через сделки. Споры — о долгах, управлении, ущербе или границах полномочий — разбирают суды и другие предусмотренные законом органы. Одновременно государство устанавливает правила безопасности, налогообложения и использования земли. Для строительства железной дороги или крупного предприятия могли применяться механизмы изъятия земли ради общественных нужд — с разными гарантиями и последствиями в разных странах.

Индустриальная эпоха расширила и сам перечень объектов, вокруг которых строятся имущественные отношения. Становятся важны не только здания и инструменты, но и акции, патенты, авторские права, фирменные обозначения, ипотечные требования. Право может относиться к немате-

риальному результату: например, к возможности запрещать определённые способы использования изобретения. Это по-прежнему не делает собственность безграничной. Патент действует в установленных пределах и сроках; акции дают права, определённые законом и корпоративными документами.

Та же эпоха показывает обратную сторону оформления прав. Когда государственные власти вводили новые земельные карты и титулы, традиционные коллективные права могли не попасть в привычные для чиновника категории. В колониальных режимах и при масштабных земельных преобразованиях это порой помогало переоформлять землю на новых владельцев, игнорируя прежние способы пользования и признания. Запись не всегда просто описывает сложившийся порядок: иногда она его меняет, причём не в пользу тех, чьё право было устным или коллективным.

Дом, в котором «моё» заканчивается у двери

В многоквартирном доме человек запирает дверь своей квартиры, но лестница, крыша и фундамент не становятся его личными вещами в том же смысле. Жильё словно соединяет два масштаба собственности: отдельное пространство и общее устройство здания.

Пользуется квартирой собственник или жилец, а общими частями — десятки людей. Право на отдельное помещение может быть зарегистрировано за одним лицом; судьбу общего имущества определяют все собственники по прави-

лам соответствующей правовой системы. Квартиру продают или наследуют, а за состоянием крыши и лифта следят совместно. Спор — например, о протечке или порядке ремонта — может потребовать решения собрания, обращения в управляющую организацию или разбирательства в суде.

Не всякое жильё устроено одинаково. В одном случае человек владеет квартирой как отдельным объектом и одновременно имеет долю в общих частях здания. В другом — живёт в кооперативе, где его права связаны с долей или членством, а не с единоличным титулом на отдельное помещение. Для жильца эти различия могут быть почти незаметны, пока не возникает вопрос о продаже, ремонте или наследовании. Тогда выясняется, что слово «моя квартира» скрывает целую конструкцию из отдельных и совместных прав.

Когда вещь нельзя взять в руки

Сегодня мы говорим о цифровых активах: доменных именах, игровых предметах, криптовалютах, аккаунтах, цифровых изображениях и данных. У них нет привычной физической границы. Их могут хранить на сервере, связывать с записью в распределённой базе или предоставлять через онлайн-платформу.

Пользуется цифровым объектом человек, у которого есть доступ к аккаунту или ключу. Но кто признаёт его право? Это могут быть правила платформы, условия договора, протокол сети и законы конкретной страны — причём не всегда они дают одинаковый ответ. Передача может происхо-

дить нажатием кнопки, переводом токена или переоформлением аккаунта. Спор рассматривает сама платформа, арбитраж или суд — в зависимости от ситуации и применимых правил.

Здесь особенно важно не смешивать **контроль и право**. Тот, у кого есть цифровой ключ, может технически переместить токен, но это не всегда означает, что ему принадлежат права на связанную с токеном картину, текст или реальный объект. Покупка предмета в игре может давать возможность пользоваться им, пока действует аккаунт и правила сервиса, но не обязательно право перепродавать его вне платформы. Цифровая запись способна убедительно доказать, что она существует. Но вопрос, какие именно права она подтверждает, требует отдельного ответа.

Поднимемся по лестнице

Вернёмся к участку Анны. Вместо того чтобы спрашивать только «кто настоящий хозяин?», полезно разложить ситуацию на четыре вопроса.

1. Кто фактически пользовался землёй? Соберите сведения о том, кто обрабатывал участок, ставил ограду, обслуживал колодец, платил за работы. Пользование важно для понимания истории, хотя само по себе не всегда создаёт право.

2. Кто и на каком основании признавал право? Это могли быть прежние владельцы, местная община, государственный орган или стороны договора. Найдите документы,

решения и выписки, но выясните, что именно каждый из них подтверждает.

3. Как право переходило от человека к человеку? Проверьте договоры, наследственные документы, решения о предоставлении земли и другие звенья истории. Одна свежая запись не всегда объясняет, как к ней пришли.

4. Как разрешается спор? Уточните границы участка, сопоставьте карту с местностью и выясните, в какой орган обращаться. Возможность учитывать длительное пользование, свидетелей или старые документы зависит от законов конкретной страны и обстоятельств дела.

Практическое упражнение: выберите любой объект, который вы считаете своим, — квартиру, садовый участок, автомобиль или цифровой аккаунт. Запишите отдельно: **кто им пользуется; какой документ или правило признаёт ваше право; как вы можете его передать; куда обратиться, если право оспорят.** А затем спросите себя: что из перечисленного доказывает наличие права, а что лишь подтверждает пользование, оплату или доступ? Это простое различие помогает заметить пробелы, пока спор ещё не стал срочным.

История собственности — не прямая дорога от костра к электронному реестру и не единый маршрут, по которому прошли все общества. Это множество путей, на которых менялись хозяйство, технологии, власть и представления о справедливости. Где-то устойчивость обеспечивал обычай,

где-то — договор, где-то — запись государства; часто они действовали одновременно и могли вступать в конфликт.

Главный урок состоит не в том, что бумага всегда сильнее памяти или, наоборот, что труд всегда важнее записи. Право становится надёжнее, когда понятны его основания, границы, способы передачи и порядок защиты — и когда люди знают, кто именно признаёт эти правила. Собственность не даётся раз и навсегда: общество постоянно уточняет, какие отношения оно считает правом и как будет их охранять.

Сегодня всё чаще приходится задавать вопрос не только о том, кому принадлежит вещь, но и о том, что именно означает «принадлежит». Ответ начинается с того, что у владельца есть разные возможности — пользоваться, передавать, исключать других, менять объект, — и каждая из них может иметь свои пределы. Значит, следующий шаг — разобрать собственность на составляющие и увидеть, как устроена эта связка прав.

Владеть, пользоваться, распоряжаться: как устроено право собственности

Илья уехал из города на год и сдал свою квартиру молодой паре. Перед отъездом он передал жильцам ключи, подписал договор и попросил поливать фикус. Через несколько месяцев решил продать жильё. Покупатель готов внести деньги, но хочет въехать сразу; жильцы напоминают, что договор ещё действует. Илья возмущён: «Квартира моя — значит, я могу с ней делать что хочу».

Но слово «моя» не отвечает сразу на три разных вопроса: кто сейчас контролирует квартиру, кто вправе в ней жить и кто может изменить её юридическую судьбу. У Ильи есть право собственности, у жильцов — договорное право пользоваться жильём, а у покупателя — интерес приобрести его. Эти права пересекаются, но не совпадают.

Представьте собственность не как один золотой ключ, открывающий все двери, а как связку из трёх: **владеть, пользоваться, распоряжаться**. Обычно они собраны у одного человека. Но их можно разделить, а иногда — ограничить законом, договором или правами других людей. Чтобы понять, кому действительно принадлежит какое решение, нужно рассмотреть каждый ключ отдельно.

Первый ключ. Владеть — значит контролировать вещь

В бытовом смысле владеет тот, у кого вещь под рукой: кто держит в кармане ключ от машины, хранит велосипед в гараже или живёт в квартире. Это наглядное, но не всегда достаточное представление. Фактический контроль над вещью и право собственности на неё — не одно и то же.

Арендатор может получить квартиру, ключи и возможность не пускать туда посторонних, кроме случаев, предусмотренных договором или законом. Он фактически контролирует жильё на срок найма, но не становится его собственником. Владелец квартиры, напротив, может находиться за тысячи километров и не входить в неё месяцами — его отсутствие само по себе не отменяет права собственности.

Похожая ситуация возникает с вещами, переданными во временное пользование. Человек одолжил соседу дрель: сосед держит её у себя и может сверлить стену в согласованных пределах, но дрель не стала его собственностью. Владелец не обязан физически удерживать вещь, чтобы оставаться её собственником; пользователь не приобретает её только потому, что некоторое время ею распоряжается в бытовом смысле.

Типичная ошибка — считать, что ключи от двери равны праву на саму дверь и всё за ней. Ключи помогают установить, кто получил фактический доступ, но не показывают всего: кому принадлежит жильё, на каком основании

человек в нём находится, как долго он может там оставаться и кто вправе изменить условия.

В праве и повседневной жизни контроль нередко оказывается разделённым. Собственник хранит лодку в чужом ангаре. Арендатор занимает помещение. Вещь передана перевозчику или на хранение. При этом каждое действие опирается на своё основание: договор, закон, согласие собственника или иной юридический факт. В разных правовых системах термины и классификации могут отличаться, поэтому важно смотреть не только на то, у кого вещь физически, но и на документы, объясняющие, почему она у него.

В истории Ильи жильцы получили квартиру не «просто потому, что хозяин разрешил», а на основании договора. Илья сохранил титул собственника, но передал жильцам фактический контроль в согласованных пределах. Продать квартиру он может, однако это ещё не означает, что покупатель автоматически получает право немедленно выселить жильцов. Во многих правопорядках, в том числе в России, переход собственности сам по себе обычно не прекращает действующий договор найма жилья: новый собственник может занять место наймодателя. Конкретный результат зависит от закона, вида договора, его условий и обстоятельств сделки.

Второй ключ. Пользоваться — значит получать от вещи пользу

Пользование — это возможность извлекать из вещи то,

ради чего она нужна: жить в квартире, ездить на автомобиле, работать за компьютером, хранить вещи в кладовой, собирать урожай с земли. Пользоваться может собственник, но это не обязательное условие.

Илья мог бы оставить квартиру пустой, поселить там родственника или сдать её жильцам. Во всех трёх случаях право собственности оставалось бы за ним, но фактическое пользование жильём менялось бы. Арендаторы используют квартиру для проживания, однако их возможности очерчены договором и законом. Например, право жить в помещении не означает автоматически право снести стену, поселить любое количество людей или превратить жильё в мастерскую с шумным оборудованием. Для одних действий нужно согласие собственника, другие запрещены правилами безопасности или местными нормами.

С машиной принцип тот же. Водитель арендованного автомобиля вправе использовать его для поездки в оговорённых пределах. Это не даёт ему права передать автомобиль знакомому, участвовать на нём в гонках или увезти его за границу, если договор или правила проката этого не допускают. Возможность пользоваться вещью — реальная, но не безграничная.

Здесь полезно помнить: **пользование не всегда означает непосредственное прикосновение к вещи**. Владельцу квартиры может приносить пользу аренда — например, в виде дохода, — хотя живёт там другой человек. Инвестор мо-

жет получать результат от оборудования, которым управляет оператор. Собственник земли может получать арендную плату, не обрабатывая её сам.

Типичная ошибка — думать, что тот, кто пользуется вещью, вправе делать с ней всё. На деле право пользования обычно отвечает на вопрос «что мне разрешено делать?», а не «кому теперь принадлежит вещь?». Арендатор может жить в квартире, но не продать её. Пользователь автомобиля может ехать, но не заменить собственника. Друг, которому дали велосипед на выходные, может кататься, но не передарить его.

Есть и обратная ошибка: считать, что собственник вправе пользоваться вещью без оглядки на окружающих. Право собственности не отменяет прав соседей, требований безопасности и других установленных ограничений. В квартире нельзя бесконечно шуметь ночью только потому, что она своя; на земельном участке нельзя строить что угодно; владелец опасного оборудования отвечает за то, как оно используется и обслуживается.

Разделение правомочий имеет и практическую ценность. Если владелец ясно понимает, кто именно пользуется вещью и в каких пределах, легче договориться об оплате, ремонте, сроках и ответственности. В экономике это связывают с уменьшением неопределённости и издержек на согласование: чем яснее распределены права, тем меньше споров о том, кто должен решать и кто отвечает за последствия. Но

ясность сама по себе ещё не делает условия справедливыми — для этого важны и правила, и возможность их оспорить.

Третий ключ. Распоряжаться — значит менять юридическую судьбу вещи

Распоряжение отвечает на вопрос: какие юридические изменения человек вправе внести? Продать вещь, подарить, завещать, передать в залог, предоставить другому лицу для пользования — всё это может затрагивать распоряжение. Такие действия не всегда одинаковы по юридической природе. Например, аренда не передаёт собственность арендатору, а залог не превращает кредитора в собственника. Но и то и другое влияет на права, связанные с вещью.

Владелец квартиры может заключить договор найма и разрешить жильцам пользоваться жильём. Может попытаться продать квартиру. Однако его право распоряжаться не существует в вакууме: нужно учитывать условия договора с жильцами, права совладельцев, ограничения закона, ипотеку и другие обстоятельства. В истории Ильи продажа не обязательно невозможна, но новый покупатель должен понимать, что приобретает: не абстрактные стены, а квартиру с её правовой историей и, возможно, действующим договором.

Особенно хорошо границы распоряжения видны в случае ипотеки. **Ипотечный банк не становится собственником квартиры только потому, что выдал кредит и получил залог.** Обычно собственником остаётся заёмщик, который может жить в жилье и владеть им. Но на

квартиру накладывается обременение: при нарушении обязательств банк может при соблюдении предусмотренной законом процедуры добиваться обращения взыскания. Возможности продать, подарить или иначе передать жильё могут быть ограничены законом и условиями договора. Иными словами, у собственника остаётся ключ, но некоторые повороты этим ключом требуют проверки и, возможно, согласия.

Другой частый случай — совместная собственность супругов. Недвижимость может быть оформлена на одного человека, но при этом относиться к общему имуществу пары. В российском базовом режиме имущество, приобретённое супругами во время брака, как правило, считается общим, даже если в реестре указан один супруг. Поэтому запись в документе не всегда отвечает на вопрос, кто вправе решать судьбу жилья. Для распоряжения общим имуществом могут потребоваться согласие другого супруга и соблюдение установленной формы. Здесь решающими становятся обстоятельства приобретения, брачный договор и применимое законодательство.

Наконец, собственник может передать имущество в доверительное управление. Управляющий получает возможность совершать с ним оговорённые действия — например, искать арендаторов, следить за ремонтом, получать платежи. Но передача управления не обязательно означает передачу собственности. Управляющий действует в пределах своих полномочий, а не становится хозяином, которому разреше-

но делать всё что угодно. Прежде чем доверить ему ключи и решения, стоит выяснить, что именно разрешено договором, кто несёт расходы, как отчитываются о действиях и можно ли прекратить управление.

Типичная ошибка — считать, что раз человек вправе распоряжаться вещью, то его право ничем не ограничено. Собственник может владеть и пользоваться имуществом, но его решения способны зависеть от согласия совладельца, условий залога, договорных обязательств или закона. Иногда человек выступает не собственником, а представителем и распоряжается вещью от имени другого лица. Тогда важны не уверенные слова «я всё решаю», а документ, который подтверждает полномочия.

Посмотрим, как три ключа распределяются в разных ситуациях:

Объект и ситуация

Кто владеет или контролирует

Кто пользуется

Кто распоряжается и что проверить

Квартира, сданная жильцам

Собственник сохраняет право собственности; жильцы получают фактический контроль на основании договора

Жильцы — в пределах договора и закона

Собственник может решать вопрос о продаже, но дол-

жен учитывать права жильцов, условия договора, возможную ипотеку и права совладельцев

Арендованный автомобиль

Прокатная компания или другое управомоченное лицо сохраняет право собственности; арендатор получает автомобиль во временное владение

Арендатор — на срок и условиях договора

Собственник или уполномоченная компания решают вопрос о продаже; арендатор обычно не вправе продавать, закладывать или передавать машину другим лицам без разрешения

Банковский вклад или счёт

Конкретные купюры обычно не хранятся отдельно за вкладчиком; его право связано с требованием к банку вернуть деньги на условиях договора

Вкладчик пользуется деньгами через снятие или переводы; банк может использовать привлечённые средства в рамках применимого закона

Вкладчик распоряжается своим требованием и средствами в пределах договора; нужно учитывать срок вклада, условия досрочного снятия, ограничения и возможные блокировки

Последняя строка требует особого внимания. В повсе-

дневной речи мы говорим: «Деньги на вкладе — мои». И это верно в важном смысле: у вкладчика есть право требовать от банка возврата суммы и, если предусмотрено, процентов. Но обычно банк не хранит отдельную стопку купюр с именем вкладчика. Отношения строятся через договор и обязательство банка. Поэтому вопрос «кто владеет?» здесь нельзя решать так же, как вопрос о владельце велосипеда. Юридическая форма денежных средств и банковских отношений зависит от законодательства и вида продукта.

Проверьте свои три ключа

Выберите одну знакомую вещь: дачу, автомобиль, телефон, квартиру, инструмент или деньги на счёте. Разделите лист на три колонки:

1. Владеть: у кого вещь находится или кто фактически её контролирует? На каком основании?

2. Пользоваться: кто и что именно вправе с ней делать? На какой срок и в каких пределах?

3. Распоряжаться: кто может продать, подарить, заложить, сдать в аренду или иначе изменить её юридическую судьбу?

Затем добавьте к каждой строке ещё три вопроса: **какие есть ограничения, чьё согласие может понадобиться и какой документ это подтверждает?** Для квартиры это могут быть сведения о собственниках, договор найма, ипотечные документы или соглашение супругов. Для автомобиля — договор аренды и правила передачи машины. Для бан-

ковского продукта — договор и условия снятия средств.

Не ограничивайтесь именем, написанным в одном документе. Уточните, не передано ли пользование другому человеку, нет ли совладельцев, обременения, представителя или действующего договора. Если речь идёт о реальной сделке, последствия зависят от конкретных документов и применимого законодательства; при необходимости их стоит проверить у специалиста.

Так становится видно главное: собственность — не одно неделимое «могу всё», а сочетание возможностей, которые иногда принадлежат разным людям и всегда существуют в определённых границах. Чтобы понять реальное положение дел, разложите вещь на три ключа и выясните, у кого каждый из них, на каком основании и с какими ограничениями. А затем можно задать следующий вопрос: почему люди ведут себя иначе, когда у них есть право на своё, и как собственность связывает свободу с ответственностью?

Почему собственность меняет поведение: стимулы, ответственность и свобода

В начале мая двор ещё казался ухоженным. На качелях звенели цепи, у подъезда зеленели первые тюльпаны, а на скамейке по вечерам сидели соседи. В июне одна качеля за скрипела, в июле расшаталась доска, к сентябрю цветник зарос травой. Никто не хотел запущенного двора. Просто каждый думал, что займётся им кто-нибудь другой.

Вера из третьего подъезда не стала ждать. Она принесла инструменты, подтянула крепления, купила краску и посадила у скамейки бархатцы. Дети снова катались, взрослые любовались цветами. Но денег на краску никто не предложил, да и спасибо сказали не все. Один сосед пожал плечами: «Ну, ей же самой хотелось». Другой хотел помочь, но работал по выходным. Третья жительница не возражала бы скинуться, если бы понимала, куда уйдут деньги. К осени Вера устала — и двор снова начал сдавать позиции.

Так часто выглядит не недостаток добрых людей, а недостаток работающих правил. Жители хотят общего результата, но не знают, кто должен за него отвечать, кто вправе решать и как разделить расходы. Между «мне нравится ухоженный двор» и «я готов потратить на него время или день-

ги» лежит целая система стимулов.

Почему хорошее намерение не всегда превращается в действие

Каждый сосед получает пользу от исправных качелей и чистой дорожки, даже если сам не участвовал в ремонте. В этом нет ничего необычного: общие удобства устроены именно так. Но если участие требует денег или труда, а результатом можно пользоваться независимо от своего вклада, возникает соблазн подождать, пока заплатят другие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.